
ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ
Фигурант
1950-й.
ОН ВЕЛ ЭТО ДЕЛО, ПОКА ДЕЛО НЕ ЗАВЕЛИ НА НЕГО.

Валерий Шарапов

Фигурант

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Фигурант / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-258386-5

Следователь привык искать правду в чужих тайнах. Но когда убивают его друга, а улики указывают на него самого, ему предстоит выяснить, где кончается закон и начинается предательство. Ноябрь 1950 года. Москва. В роскошной квартире на Мещанской среди мехов, золота и дорогих вещей находят убитую Антонину Крапивину, вдову умершего в лагерях вора в законе. Дверь не была взломана. Хозяйка сама впустила убийцу. На полу осталось лежать окровавленное кашне. Рядом кухонный нож, которым был нанесён единственный удар в сердце. Следователь Аркадий Никитин уверен: кашне подбросили намеренно. Оперативник Иван Кочкин замечает другое: обыск был какой-то странный, словно убийца лишь создавал видимость ограбления. Вскоре в деле появляется человек по прозвищу Музыкант. Никто не видел его в лицо, потому что он переодевается и мастерски меняет внешность. Преступник входит в доверие к состоятельным вдовам и исчезает вместе с деньгами. Но похищенное им золото не всплывает ни на чёрном рынке, ни у перекупщиков, а сами пострадавшие не спешат писать заявления в милицию. Этот Музыкант становится главным фигурантом дела. Но Никитина внезапно отстраняют от расследования и отправляют под домашний арест. Причина странная и нелепая: в его квартире выстрелом из табельного пистолета был убит гостивший там друг детства. Единственный подозреваемый — сам Никитин. Убийца Крапивиной не найден. Деньги исчезли. А настоящий преступник уже понял, что следователь идёт по его следу и готовит ему ловушку… Одна улика может спасти его или погубить окончательно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-258386-5

© Шарапов В. Г., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. Хмурое утро 7
Глава 2. Автограф убийцы 9
Глава 3. Спектакль без зрителей 12
Глава 4. Горе 14
Глава 5. Музыкант и сиделец 16
Глава 6. Мон шер 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Валерий Шарапов
Фигурант

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Хмурое утро

Ноябрь пришел в Москву неслышно, будто серый бездомный пес, продрогший и усталый. Он лег на крыши и тротуары, и город притих под его тяжелым, сырым боком. Раннее воскресное утро, шесть часов. За окном, в густой темноте, падал мокрый снег, тяжелыми хлопьями прилипая к стеклу. Он не летел красиво и не кружился – он просто шлепался о подоконник и тут же превращался в грязную воду.

В комнате было тепло и покойно. Покой в комнате держался на нескольких тихих звуках: ровном дыхании Вари, сонном сопении Машеньки да редком лае с улицы.

Никитин уже не спал. Он лежал с открытыми глазами, глядя в беленый потолок, который казался в утреннем полумраке низким и тяжелым, как тучи за окном. Это были те редкие минуты тишины, вырванные у службы, у города и у чужих бед. Короткая передышка, позволяющая думать о семье, о доме, о будущем дочери.

Мысли шли неторопливо, осторожно, как будто боялись разбудить дом. Нужно, наконец, заняться дверцей буфета, которая скрипит так жалобно, словно просит о помощи. Скоро Новый год, пора доставать с антресолей старую картонную коробку с елочными игрушками. Он помнил, как в прошлом году Машенька, еще совсем крошечная, тянула ручки к стеклянному шару, и в ее глазах отражался блеск гирлянды. Он улыбнулся в темноту.

Стараясь не издать ни звука, Аркадий осторожно высвободил руку из-под головы Вари и сел на кровати. Посидел мгновение, затем на цыпочках, стараясь не наступать на самую скрипучую половицу у комода, подошел к детской кроватке. Машенька спала, смешно раскинув ручки. Он поправил сбившееся одеяльце, едва коснувшись пальцами теплой щеки дочери, пахнущей молоком и сном.

На кухне он включил настольную лампу, поставил на плиту чайник. Варя, кутаясь в старый шерстяной халат, зашла к нему минуту спустя. Он обернулась на ее шаги, и на его лице появилась мягкая, сонная улыбка.

– Не спится? – тихо спросила Варя.

– Старость, Варенька, – так же тихо отозвался Аркадий, опускаясь на табуретку. – Нога ноет, сон не идет.

– Придумаешь тоже, старость, – она покачала головой, но в глазах ее мелькнула тревога. – Ты просто устал, Аркадий. Сильно устал.

Он взял ее руку – прохладную, с тонкими пальцами. Разговор о его усталости был той тонкой гранью, за которую они старались не заходить. Его работа была похожа на глубокий омут: стоило лишь заглянуть в него, как неуправляемая сила начинала затягивать в холодную вязкую тьму их хрупкий домашний мир.

– Цикорий будешь? – спросила Варя.

– Буду.

Она сняла с плиты чайник, начала расставлять на столе чашки.

– Нужно в магазин зайти, хлеба нет совсем. И масла бы. Ты картошку всю доел вчера?

– Ага, – признался он. – Вкусная очень. Оторваться не смог.

– Я так и поняла. Значит, и картошки надо взять. Тебе не дует из нового окна? А то мне ночью показалось…

Их тихий, будничный разговор о простых и понятных вещах был тем самым спасательным кругом, который держал их на плаву. Банальные слова о хлебе, ремонте, уюте строили вокруг них невидимую стену, защищающую от внешнего мира.

Внезапно эту стену пробил резкий, требовательный звонок телефона. Черный бакелитовый аппарат на стене в коридоре ожил и начал требовать к себе внимания.

Супруги переглянулись. Улыбка сошла с лица Вари. Взгляд Никитина в одно мгновение стал другим – холодным и безэмоциональным. Оба хорошо знали, что означает звонок в выходной день в шесть утра.

Никитин поднялся, прошел в коридор и снял тяжелую, холодную трубку.

– Майор Никитин слушает.

Голос в трубке звучал сухо и буднично. Дежурный докладывал ровным и, казалось, совершенно равнодушным голосом:

– Труп, товарищ майор. Женщина. В своей квартире на Первой Мещанской. Предварительно – ножевое. Адрес…

Никитин слушал молча, не перебивая и не задавая уточняющих вопросов. Он знал, что дежурный в таких ситуациях просто зачитывает текст по бумаге и он не знает никаких подробностей, кроме того, что написано.

– Оперативников оповестили? – коротко спросил он. – Орлова и Кочкина? Хорошо. Выезжаю.

Когда он вернулся на кухню, Варя уже принесла из комнаты чистую рубашку и свитер. Она не задавала вопросов, все понимая без слов. Он быстро оделся. Варя затолкала в карман его куртки бутерброд, завернутый в газету. Никитин на цыпочках вернулся в комнату, наклонился над кроваткой и поцеловал сонную Машеньку в теплую макушку. Варя стояла у двери, молча глядя на него. Он обнял ее, вдохнул родной аромат ее волос.

– Я постараюсь недолго, – произнес он привычную фразу, которую повторял всякий раз в подобной ситуации и которая ровным счетом ничего не значила.

Варя прижалась к нему на мгновение.

– Мы тебя ждем, – тихо ответила она. – Мы тебя любим.

Это была ее традиционная молитва. Он кивнул, надел шляпу и вышел за дверь. Спокойная жизнь закончилась. Началась работа.

Глава 2. Автограф убийцы

Ноябрьская Москва была похожа на старую, выцветшую фотографию: все оттенки серого смешались в единое унылое полотно. Мокрый снег, тяжелый и липкий, превращался под ногами в жидкую грязь, в которой вязли ботинки. Редкие фонари отбрасывали на тротуар тусклые, размытые пятна света, отражаясь в неглубоких лужах, подернутых ледяной коростой. Город еще безмятежно спал, и в этой тишине шаги Никитина звучали одиноко и гулко.

У самого тротуара, приткнувшись к бордюру, темнела служебная «Победа», и когда Никитин открыл дверцу, ему в лицо выкатилось облако табачного дыма. За рулем сидел опер-уполномоченный Иван Кочкин, молчаливый и основательный, как человек, которому давно все ясно без лишних слов. Он коротко кивнул, приветствуя начальника. Рядом с ним расположился старший лейтенант Виктор Орлов, молодой, подтянутый, с цепким и наглым взглядом.

– Здравия желаю, Аркадий Петрович, – бодро произнес Орлов, поворачиваясь. – А мы уж думали, вы решили воскресный день как положено провести.

– Вот сейчас и проведем его как положено, – проворчал Никитин, усаживаясь на заднее сиденье. Дверца захлопнулась с тяжелым, глухим стуком. – Трогай, Иван.

Машина плавно двинулась с места, шурша шинами по мокрой брусчатке. Кочкин вел уверенно, объезжая глубокие ямы.

– Рассказывай, Виктор. – Никитин достал папиросы, размял одну в пальцах.

Орлов тут же щелкнул зажигалкой и протянул огонь.

– Крапивина Антонина Семеновна, девятьсот первого года рождения. Официально – вдова инженера-путейца, погибшего на фронте. Сама нигде не работала. Проживала одна в трехкомнатной квартире на Мещанской. По словам соседей, жила Крапивина небедно: меха, золото, дорогие вещи. Не всякая вдова могла себе такое позволить. Откуда дровишки – вопрос открытый.

– Кто обнаружил?

– Соседка. Бабуля, лет под восемьдесят. У них был уговор: каждое утро Крапивина ей молоко приносила от молочницы. А бабуля взамен присматривала за квартирой, когда Крапивина отлучалась. У бабули старческая бессонница. Вышла на лестничную площадку под утро, чтобы половик подмести. Дверь, говорит, у Крапивиной была не заперта, а только притворена. Она и заглянула. Ну и, собственно, все. Вызвала милицию.

Никитин молчал, глядя в окно на проплывающие мимо серые фасады домов. Огонек папиросы тлел в полумраке салона.

– Замок вскрыт? – спросил он, не поворачивая головы.

– В том-то и дело, что нет, Аркадий Петрович. Замок целый, английский, хороший. Никаких следов взлома. Похоже, Крапивина сама гостя впустила. Либо он аккуратно работал отмычкой.

– Что-то пропало на первый взгляд?

– Пока неясно. В квартире следы обыска, но такого, знаете… аккуратного, избирательного. Что именно пропало и в каком количестве – сказать трудно. У потерпевшей родственников нет. А соседей она к себе не пускала.

Никитин затянулся в последний раз и выбросил окурок в приоткрытое окно. Машина остановилась у массивного дома дореволюционной постройки, с потрескавшейся лепниной на фасаде и темными провалами окон. У подъезда, ежась от сырости, переминался с ноги на ногу молодой участковый. Он вытянулся при виде Никитина и отрапортовал.

На широкой лестничной площадке второго этажа их уже ждал судмедэксперт Игорь Борисович Громов, пожилой сутулый мужчина с идеально гладкой коричневой лысиной.

– Здравствуй, Аркадий, – сказал он вместо приветствия. – Опять у тебя работа в неурочный час.

– Привет, Борисыч. Что скажешь?

– Скажу, что женщине сильно не повезло. Один удар, но точный. В сердце. Оружие – хорошо сточенный от многолетнего пользования тонкий кухонный нож. В общем, убита профессионально, без лишней суеты, без драки и сопротивления. Смерть наступила практически мгновенно, часов восемь-десять назад.

У распахнутой настежь двери в квартиру стояли два милиционера, курили, негромко переговариваясь друг с другом. При виде Никитина спрятали окурки в рукавах шинелей и отдали честь. Никитин вошел внутрь.

В нос ударил тяжелый, приторный запах дорогих духов, смешанный с едва уловимым медным запахом крови. Квартира действительно была обставлена с претензией на роскошь: массивная резная мебель из темного дуба, тяжелые бархатные портьеры на окнах, ковры на полу. На полках этажерки теснились фарфоровые пастушки и танцовщицы. Но вся эта дорогая обстановка была осквернена грубым вторжением. Дверцы шкафов и буфетов распахнуты, ящики комода выдвинуты, их содержимое частично вывалено на пол. Кто-то явно спешил и не слишком заботился о порядке.

Прямо посреди комнаты, на полу, лежало скомканное и сильно выпачканное в крови темное шерстяное кашне в шотландскую клетку. Вокруг него кольцом выстроились пустые молочные бутылки.

– Это что за хоровод? – спросил Никитин.

– Да это я ограждение смастерил, – смущенно усмехнулся эксперт, поднимая с пола бутылки. – Чтоб милиционеры случайно на кашне не наступили… Важный вещдок…

Тело женщины лежало на ковре возле продавленного и местами потертого кресла. Похоже, она сидела в нем, когда ее убивали, пыталась встать, но лишь сползла на пол. Никитин не спешил подходить к телу. Он стоял на пороге комнаты, обводя ее медленным, внимательным взглядом, запоминая каждую деталь, каждую мелочь. Он искал то, что не вписывалось в этот беспорядок и могло бы вывести на след.

– Опроси соседей, если кто-то из них уже проснулся, – бросил он через плечо Орлову. – Тихо, без шума. Кто что видел, кто что слышал. Кто к ней приходил вчера вечером и вообще в последнее время.

Оперативник молча вышел. Громов присел на корточки у тела. Никитин медленно пошел по комнате, стараясь ни к чему не прикасаться. Кашне он поднял двумя пальцами, поднес к утреннему свету, идущему из окна.

– Борисыч, – сказал он. – Определи, действительно ли это пятна крови. Если да, то совпадает ли с группой крови убитой.

– Сделаем, Аркадий, – ответил эксперт, взял кашне пинцетом, положил на лист пергаментной бумаги и завернул.

– Кашне явно мужское. Недешевое, – раздумывал вслух Никитин. – По пальцам можно пересчитать, кто такие в Москве носит. – И так неосмотрительно оставить это здесь… Орудие убийства где?

Кочкин, все это время стоявший в дверном проеме, подошел к креслу и кивнул под ноги.

– Вот лежит. Мы не трогали.

– Правильно.

Никитин зашел за кресло, опустился на корточки, рассматривая длинный и тонкий кухонный нож, некогда широкое лезвие которого теперь напоминало обгрызенную хлебную корку.

– И остатки крови на ноже.

Он заглянул в спальню, потом в кабинет. Везде была та же картина непоследовательного, хаотичного обыска. Подушка с кровати сброшена на пол, из книжного шкафа выпала пара книг…

Вернувшись в гостиную, Никитин остановился у кресла.

– Следов сопротивления нет? – спросил он у Громова.

– Во всяком случае, ни царапин, ни синяков я не нашел. Она сидела в кресле, расслабленная. Вероятно, хорошо знала убийцу.

Никитин кивнул, соглашаясь. Его взгляд скользил по полу, по ворсу дорогого ковра. И тут он заметил: прямо у самого края ковра, почти у ножки кресла, лежал какой-то крохотный, невзрачный лоскуток. Что-то светлое, едва отличимое от узора.

– Пинцет, – попросил он.

Громов взял из своего саквояжа длинный медицинский пинцет и протянул следователю.

Никитин осторожно подцепил предмет и поднес к глазам. Это был крохотный, неправильной формы кусочек кожи телесного цвета, размером не больше ногтя. По его краю шла частая, аккуратная строчка, сделанная, наверняка вручную. На обратной стороне виднелись едва заметные следы сухого казеинового клея. Что-то похожее на крохотную заплатку. Или на декоративную деталь сумки, обуви.

В комнату бесшумно вошел Орлов.

– Соседка снизу говорит, что вчера вечером слышала низкий мужской голос. Но не придала значения. У Крапивиной в последние пару недель часто бывали гости, музыка, смех.

Никитин не ответил. Он аккуратно переложил находку в маленький бумажный конверт.

– Что это? – с любопытством спросил Кочкин, заглядывая через плечо Никитина.

Никитин запечатал конверт и посмотрел на опера долгим взглядом, в котором не было ни удивления, ни спешки.

– Пока не знаю, Ваня, – произнес он. – В любом случае эта штуковина, в отличие от кашне и ножа, не сразу бросается в глаза.

Отряхивая брюки от пыли, в комнату зашел Орлов. Он только что облазил все самые пыльные углы квартиры.

– Получается, – произнес он, кивая на полки книжного шкафа, – гость сначала убил Крапивину, а после этого начал что-то искать. Причем что-то найти в такой заваленной барахлом квартире очень непросто. Тут работы на несколько часов.

– Почему ты думаешь, что он сначала ее убил? – уточнил Никитин.

– Начни он обыск при живой, женщина обязательно стала бы плакать, кричать, уговаривать. Но она не кричала. Соседка снизу вообще ее голоса не слышала.

Прохаживаясь по комнате, заложив руки за спину, Никитин вслух размышлял:

– Гость в шерстяном кашне приходит к Крапивиной вчера поздно вечером. Она сама открывает дверь и впускает его. Из квартиры иногда доносится тихий мужской голос. Потом гость вдруг хватает кухонный нож, убивает хозяйку, вытирает руки собственным кашне и начинает что-то искать. Ищет он довольно странно.

– Из трюмо выдвинут всего один ящик, – подсказал Орлов. – Оставшиеся три, по всей видимости, он не проверял. С кровати сброшена только одна подушка. Вторую не тронул. А под ней можно спрятать килограмм золота.

– А что касается книг… – прервал Никитин. – Ваня, скажи, как бы ты поступил, чтобы убедиться, что за книгами ничего не спрятано?

– Скидывать на пол не стал бы, – ответил Кочкин. – Это слишком шумно. Я бы положил все тома на корешок, чтобы можно было просунуть руку за книги и проверить на ощупь.

Громов начал укладывать в саквояж кисточки.

– Я снял все отпечатки пальцев, которые тут были, – сказал он. – А также на затворной раме нашел шерстяные волокна от драпа. Больше ничего.

Глава 3. Спектакль без зрителей

Дворники с надрывным скрипом елозили по лобовому стеклу, сгоняя в стороны липкий снег, но мир за окном все равно казался мутной, серой акварелью. Машина медленно катилась по пустынным улицам, и гул ее мотора казался единственным живым звуком в этом застывшем ноябрьском сумраке.

Несколько минут ехали молча. Каждый думал о своем, осмысливая увиденное в квартире на Мещанской. Первым тишину нарушил Орлов. Он всегда чувствовал себя неловко среди молчащих коллег.

– Сумбурная какая-то кража, Аркадий Петрович, – произнес он, глядя на спидометр с дрожащей стрелкой. – Такое чувство, что он хватал первое, что под руку попадется. На мой взгляд, тут два варианта. Либо он очень сильно торопился…

– …Либо его спугнули, – озвучил свою версию Кочкин, не отрывая взгляда от дороги. Его голос, как всегда, был ровным и негромким. – Мог услышать шаги на лестнице, скрип двери у соседей. Мало ли.

– Именно, – подхватил Орлов, оборачиваясь к Никитину. – Услышал шум, бросил все и ушел. Поэтому и подушку вторую не перевернул, и трюмо как следует не проверил. Обычная история.

Никитин смотрел в окно на мелькающие чугунные ограды, на редких прохожих в пальто с поднятыми воротниками. Он не спешил с ответом, позволяя своим оперативникам полностью высказаться.

– Шум, Витя, говоришь? – наконец негромко спросил он. – А какой шум мог спугнуть человека, который только что хладнокровно убил хозяйку квартиры? Он не домушник, который в форточку залез. Он был в гостях. Ударил ножом и остался в квартире наедине с трупом. Он уже перешагнул черту, после которой скрип соседской двери не пугает, но заставляет затаиться, а при случае снова убить.

Орлов нахмурился, обдумывая слова начальника.

– Может, он ждал кого-то? Сообщника? А вместо него в дверь постучал кто-то другой?

– Может быть, – неопределенно согласился Никитин. – Но даже если он торопился, Виктор, даже если у него была всего минута, он действовал бы иначе. В спешке человек действует инстинктивно, ищет там, где ценности прячут чаще всего. Под матрасом, в белье, в книгах, в банках с крупой на кухне. А наш гость сдернул одну подушку, открыл один ящик комода и распахнул шкаф с платьями. Нелогично. Это все равно как если бы умирающий от голода человек забрался ночью в ресторан, но вместо того, чтобы сразу направиться на кухню, зачем-то начал искать еду в гардеробе.

Он достал из кармана тот самый маленький бумажный конверт, повертел его в пальцах, но не открыл.

– Нет, – сказал он после паузы, и в его голосе появилась твердость. – Он не торопился. И его никто не спугнул. Все, что мы видели в квартире, – это спектакль. Имитация ограбления.

В машине повисла тишина, нарушаемая лишь скрипом дворников. Орлов, обернувшись, посмотрел на Никитина с недоумением. Даже невозмутимый Кочкин бросил на начальника быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

– Спектакль? – переспросил Орлов. – Зачем? Чего убийца хотел добиться?

– Чтобы мы с тобой, Виктор, кинулись на поиски украденного. Чтобы мы начали отрабатывать базары, вокзалы, скупщиков. Чтобы мы искали человека, убившего ради ценностей, которые там хранились. А настоящий мотив остался бы в тени. Наш гость не грабитель. Он – декоратор. Он хотел, чтобы мы увидели следы кражи, хотя наверняка знал, что красть в той квартире нечего.

Никитин протянул конверт сидящему рядом эксперту Громову.

– План действий такой. Через пару часов, когда люди окончательно проснутся, вы с Иваном возвращаетесь на Мещанскую. Мне нужна любая информация обо всех, кто приходил к Крапивиной за последние две недели. Молочница, почтальон, подруги, любовники. Соседи – ваш главный ресурс. Старушки на лавочках, дворник. Они видят и слышат все. Мне нужен подробный словесный портрет каждого гостя, но особое внимание уделите тому, кто приходил к Крапивиной вчера. Рост, одежда, манера говорить, особые приметы. Все до последней мелочи.

Он сделал паузу, прикуривая.

– Второе. Сделайте запрос по Крапивиной. Я хочу знать о ней все. Как давно живет на Мещанской, где жила до этого и на какие средства. Что известно про ее мужа-инженера, где служил, и хорошо бы разыскать сослуживцев. Мне нужны связи Крапивиной, знакомства, увлечения. Может, состояла в переписке с кем-то. Зайдите на почту, поднимите записи обо всех ее отправлениях и получениях.

– И все же мы в квартире не нашли ни одной купюры, ни одного жалкого колечка, ни одной броши или серег, – пожав плечами, произнес Орлов. – Но так не бывает. Почти у каждой женщины, которая выглядит как состоятельная, должно быть хотя бы мелкое золотишко.

– Поговорите с бабулей, ее соседкой. Пусть припомнит, какие украшения Крапивина носила постоянно. Пусть опишет подробно, даже если это была бижутерия.

Машина сворачивала к зданию управления. Снег пошел гуще, скрывая город за белесой пеленой.

Глава 4. Горе

Дверь распахнулась без стука, и в кабинет вошел, а точнее, почти влетел Орлов. Он принес с собой атмосферу мокрой улицы и энергию дела, которое не терпит отлагательств. Старший лейтенант стянул влажную кепку, провел рукой по волосам и остановился у стола.

– Аркадий Петрович, есть кое-что. Не знаю, важное или так, для общей картины.

Никитин неторопливо отложил заявление месячной давности по делу о мошенничестве.

– Для общей картины все важно, Виктор. Даже клякса в углу. Выкладывай.

– Опросили мы с Иваном почти всех жильцов, которые нам открыли. И вот что интересно. Бабушка-соседка вспомнила одну деталь. Дня за два до убийства, значит в четверг, она столкнулась с Крапивиной на лестнице. Говорит, Антонина Семеновна была сама не своя.

Орлов сделал многозначительную паузу.

– Это как – не своя? – уточнил Никитин.

– А вот так. Лицо осунувшееся, глаза заплаканные. Старушка, ясное дело, с вопросом: «Что случилось, Антонина Семеновна? На вас лица нет». А Крапивина только рукой махнула, будто муху отгоняла, и говорит: «Ой, Елизавета Матвеевна, горе, горе!» И дальше пошла, почти побежала в свою квартиру.

Никитин откинулся на спинку стула.

– Горе, значит. Интересно. И что же у нее стряслось?

– Вот в том и вопрос, – развел руками Орлов. – А теперь самое любопытное. Почти все соседи в один голос твердят, что в последние недели у нашей Крапивиной появился ухажер. Весьма импозантный гражданин. Несколько раз его видели в подъезде. Всегда с цветами. И запах от него, говорят, на всю лестницу – дорогой одеколон. Они были уверены, что это ее новый, как бы это сказать…

– Хахаль, – подсказал Никитин.

– Именно, – усмехнулся Орлов. – Новый хахаль. Составили мы с их слов примерный портрет. И вот тут начинаются странности. Мужчина видный, высокий. Волосы чуть удлиненные, с сединой. Крупные очки в темной оправе. На руках неизменно черные перчатки, даже если на улице не так уж и холодно. Шея замотана шерстяным кашне, а воротник пальто всегда поднят. Плюс шляпа с широкими полями. Короче, его лица, открытого лица, никто толком не видел. Будто он скрывался.

– Какого цвета пальто?

– Оранжевое. Яркое, приметное. Почти рыжее.

Никитин задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Яркое пальто и попытка скрыть лицо. Не находишь, что одно другому немного противоречит?

– Нахожу. Но это еще не все. Общее впечатление, что он человек нездешний, не столичный. Но явно из творческой интеллигенции. Соседки его между собой так и прозвали – Музыкант.

Никитин чуть склонил голову и поскреб пальцами щетину на щеке.

– Музыкант… Что ж, метко. – Он помолчал, глядя куда-то в стену, словно видел там не трещины на штукатурке, а схему происходящего. – Значит, у нас есть прелюдия. За два дня до смерти у Крапивиной случается некое «горе». А до этого к ней захаживал таинственный Музыкант в ярком пальто, который старательно прятал свое лицо. И в ночь убийства соседка снизу слышала мужской голос.

– Все сходится, Аркадий Петрович, – кивнул Орлов. – Похоже, это он и был. Думаю, мы имеем дело с чистой бытовухой. Сначала цветы, музыка, смех. Но в один прекрасный вечер

что-то случилось, и любовь сменилась ненавистью. Хахаль схватил кухонный нож, и… А потом обставил все так, будто Крапивину убили ради ограбления.

– Возможно, – согласился Никитин. – Очень возможно. Этот Музыкант с его цветами и одеколоном отлично вписывается в мою версию о спектакле. Он играл роль. Роль импозантного и богатого поклонника. Вошел в доверие. А потом… занавес. – Аркадий тщательно затушил в пепельнице докуренную папиросу. – Значит, так, Виктор. Задача усложняется, но становится интереснее. Первое – проверьте по своим каналам все театры, филармонии, консерватории. Меня интересуют мужчины, подходящие под это описание. Высокий, с сединой, носит очки. Особая примета – яркое оранжевое пальто. Таких в Москве не так уж много. Второе – поднимайте биографию Крапивиной. Ищите любые зацепки, любые связи с миром искусства. Может, она в молодости была актрисой? Может, ее покойный муж-инженер был заядлым театралом? Любая, даже самая незначительная ниточка.

Орлов записывал в блокнот поручения.

– Сделаю, Аркадий Петрович.

– И вот еще что. Пусть ваши люди порасспрашивают в цветочных магазинах и на рынках в том районе. Может, кто-то запомнил постоянного покупателя – высокого мужчину, который всегда брал хорошие букеты. Музыкант должен был где-то эти цветы покупать.

Когда Орлов ушел, Никитин подошел к окну, посмотрел на сумеречную улицу.

«Музыкант, – подумал он. – Он не только спрятал лицо за воротником и очками. Наверняка еще и старательно загримировался. Получился яркий образ, который с легкостью исчезал, уступая место другому. Он продумал все. Почти все. Вот только этот артист, уходя со сцены, обронил часть своего реквизита. И этот реквизит расскажет нам о нем больше, чем любая сыгранная им роль».

Глава 5. Музыкант и сиделец

День догорал медленно и неохотно. За окном кабинета небо из серого превратилось в фиолетовое, а потом и вовсе утонуло в густой ноябрьской темноте. Никитин сидел за столом, подперев голову рукой, и смотрел на исписанные листы бумаги. Схемы, имена, стрелки, знаки вопроса. Картина преступления, которую он пытался собрать из разрозненных фрагментов, никак не складывалась в единое целое. Она рассыпáлась, едва он успевал соединить пару деталей.

Дверь тихо скрипнула, и в кабинет вошел Кочкин. Он двигался почти бесшумно, и его появление почти всегда было внезапным, будто опер просачивался в пространство, становясь его неотъемлемой частью. Он снял мокрое от снега пальто, повесил на вешалку и молча сел на стул для посетителей.

– Ну, рассказывай, Иван, – не поднимая головы, произнес Никитин. – Чем порадуешь под занавес дня?

Кочкин откашлялся.

– Нашелся еще один свидетель. Вернее, свидетельница. Клавдия Никифоровна, из пятьдесят девятой квартиры, это на первом этаже, прямо под Крапивиной. Женщина замкнутая, из дома почти не выходит, целыми днями у окна сидит, жизнь изучает.

– И что же она изучила?

– Говорит, что в ночь убийства около полуночи видела, как из их подъезда вышел мужчина. Описывает его очень толково, память у нее железная.

Никитин вскинул взгляд на опера, в его глазах появился интерес.

– Так. Это уже ближе к делу. Наш мужчина? Высокий, в оранжевом пальто?

Кочкин отрицательно покрутил головой.

– Вовсе нет, Аркадий Петрович. Человек, по ее словам, был сутулым, даже кособоким. Невысокого роста. Шел как-то боком, втянув голову в плечи. Руки держал в карманах. Никаких сумок или чемодана. Одет был бедно: короткое драповое полупальто, на ногах сапоги, на голове кепка, низко натянутая на глаза.

Никитин нахмурился. Этот портрет никак не вязался с образом импозантного поклонника.

– А старушка уверена во времени? Действительно это была полночь, а не девять вечера?

– Уверена, – спокойно ответил Кочкин. – Часы на Спасской башне били. Она их всегда слушает перед сном. Говорит, пробило двенадцать, и буквально через минуту этот человек вышел из подъезда. Она еще подумала, что это наверняка сиделец и какого лешего он ночью в их подъезде забыл. Вид у него был такой… соответствующий… Да! Вот еще одна деталь! Прохоря, точнее голенища сапог, у него были на шнуровке.

– Что значит на шнуровке? – не понял Никитин.

– Знаете, у некоторых людей икроножные мышцы очень толстые. – Кочкин наклонился и похлопал себя по лодыжкам. – Натянуть обычные сапоги не могут. Даже если их в гармошку, как прохоря. Приходится распарывать по заднему шву, а потом, примерив на ноге, стягивать кожаным шнурком. У нас в батальоне такой солдат был, всю войну с сапогами мучился.

Никитин задумался. Появился второй фигурант: «Сиделец» в сапогах с кожаной шнуровкой. Музыкант и Сиделец. Импозантный интеллигент с цветами и сгорбленный зэк в кепке. Это были два совершенно разных человека, два разных мира.

– Раньше соседка его видела? – уточнил Никитин.

– Никогда.

Никитин встал и подошел к окну. Внизу, в свете фонаря, кружились редкие снежинки.

– Значит, у нас теперь двое, – произнес он вполголоса. – Один приходил с цветами, другой ушел ночью, примерно через час после убийства. Или… – он обернулся к Кочкину, – …или это один и тот же человек. Великий артист, мастер перевоплощений. Днем он – Музыкант, ночью – Сиделец.

Кочкин молчал, обдумывая эту версию. Она была слишком нереальной, почти фантастической, кинематографичной, но в их работе случалось и не такое.

В этот момент зазвонил телефон. Никитин снял трубку.

– Слушаю.

– Это Громов, – раздался голос эксперта. – По твоему фрагменту.

– Давай, Борисыч, слушаю внимательно, – Никитин взял со стола карандаш.

– Значит, так. Кожа натуральная, овечья, хорошей выделки. Довольно тонкая. Могла быть частью чего угодно. Подкладка дорогого портфеля, кусочек от папки для бумаг, от перчаток или ремешка от часов. Всего не перечислишь.

– А фрагментом обуви? – быстро спросил Никитин.

– Возможно, – после небольшой паузы ответил эксперт. – Декоративная отделка на ботинках. Но это лишь предположение, фрагмент слишком маленький.

– Понятно. – Никитин задумчиво чертил на листке бумаги бессмысленные закорючки. – Значит, убийца вполне мог прийти, скажем, с элегантным портфелем. Или щеголять в дорогих перчатках, из которых и вырвался этот лоскут, когда он нанес удар ножом.

– Вполне возможно, – согласился эксперт, но тотчас сам отверг эту версию. – Если бы не одно «но».

Никитин замер.

– И что за «но»?

– Клеевая основа. Тот самый казеиновый клей, следы которого мы обнаружили. Он полностью высох. Более того, под микроскопом видно, что слой клея успел покрыться частичками пыли. Той самой бытовой пыли, которая была у нас в образцах с места преступления.

– И что это значит? – медленно спросил Никитин, хотя уже сам начинал понимать.

– Это значит, что кусочек кожи оторвался не в ночь убийства. И не за день до этого. Он пролежал там, под креслом, как минимум несколько дней, а то и неделю. В общем, домашний мусор, который прямого отношения к убийству не имеет.

Никитин молчал. Трубка в его руке казалась невероятно тяжелой.

– Борисыч, ты уверен?

– Абсолютно. Клей так быстро не заветривается в комнатных условиях. И еще. Ни на ноже, ни на кухонной утвари, ни на дверных ручках я не нашел ни одного отпечатка пальцев. Ни одного. Убийца все тщательно стер.

Никитин положил трубку. Кочкин смотрел на него вопросительно. Жаль, что кусочек кожи оказался всего лишь мусором, давно завалившемся под кресло.

– В общем, так, Ваня, – усмехнулся Никитин. – Наш Музыкант никаких вещдоков нам не оставил. Совсем. К тому же добавился еще и сутулый «Сиделец» с толстыми икроножными мышцами. На сегодня это все.

Глава 6. Мон шер

Телефонный звонок ударил, как пощечина. Никитин как раз собирался домой. Мысленно он уже был с семьей, в тепле, рядом с Варей и Машенькой, улавливал терпкие оттенки свежезаваренного чая и слушал тихое сопение дочки. Но голос Кочкина в трубке, сиплый, волевой, мгновенно вернул его в промозглую реальность.

– Аркадий Петрович, срочно на Рижский. У нас тут Музыкант.

– Взяли? – Никитин рывком поднялся из-за стола, хватая с вешалки шинель.

– Хуже. – В голосе Кочкина прозвучало досадливое кряхтение. – Транспортники его засекли, но мы немного… перестарались. Нужно твое присутствие.

Слово «перестарались» могло означать что угодно. Никитин бросил на ходу дежурному, чтобы тот вызвал машину, и через минуту уже шагал по гулким коридорам управления к выходу.

Рижский вокзал, как всегда, был наполнен суетой, сыростью и удушливым запахом угля. Милицейский отдел располагался в тесном, похожем на пенал помещении без окон, где воздух, казалось, поступал сюда из специальных консервных банок с надписью «Стратегический резерв. Открывать с осторожностью». С порога Никитин поморщился.

– Коллеги, – негромко произнес он, обращаясь к присутствующим. – Вы тут химическое оружие испытываете или просто кто-то умер, а вынести забыли?

Кочкин, стоявший у стены, молча кивнул на угол.

Там, на корточках, съежившись, сидел человек. Точнее, жалкое подобие человека. Грязный, заросший седой щетиной, с мутным, ничего не выражающим взглядом. На нем в самом деле было ярко-оранжевое пальто. Вернее, то, во что его превратил грязнуля. Некогда модная и дорогая вещь теперь больше напоминала тряпку. Подол был черным от въевшейся грязи и мокрым, на рукавах блестели жирные разводы, а на лацканах багровело огромное пятно от портвейна. От бродяги и исходил тот самый густой, невыносимый смрад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.